

— Никогда больше не называй моего сына лжецом! — прошипел Тони, и в глазах Гарри мелькнуло изумление, когда Вернон, словно под ударом молнии, дрогнул перед яростью Тони. — Ты лгал людям о нем всю его жизнь. Ты не заслуживаешь права судить его, жалкая отговорка для мужчины! — Ты не понимаешь. Он урод, он... — Вернон не успел договорить, как Тони ударил его в челюсть. Петуния взвизгнула от неожиданности, Дадли, с ужасом в глазах, наблюдал, как его отец падает. Гарри, охваченный изумлением и восхищением, молча наблюдал за разворачивающейся драмой. — Что я говорил об оскорблении моего сына? — спросил Тони, глядя на Вернона, лежащего на полу. — Я знаю все о том, что Гарри — волшебник. И знаешь что? Мне все равно. Я человек науки, последний в мире, кто поверил бы в магию. Но я смирился с тем, что мой сын — волшебник. Вы, люди, вызываете во мне отвращение своим презрением к невинному ребенку, которого вы ненавидите только за то, что он родился с чем-то, что вы не захотели понять или узнать. — Это не наша вина! Мы никогда не хотели его! — огрызнулась Петуния, дрожа от страха, но все еще пытаясь бросить вызов Тони. — Тогда вы должны были отправить его туда, где его ждали! — крикнул Тони. — Тот человек сказал, что если мы возьмем его к себе, он обеспечит нам защиту от тех, кто убил мою сестру, — ответила Петуния. — Значит, вы держали его рядом ради собственной безопасности, но отказались даже прилично к нему относиться, несмотря на ту защиту, что он вам всем обеспечил? — Тони с презрением посмотрел на Петунию. — Что это за защита? И кто дал вам право опеки над Гарри? — Директор той... ненормальной школы, Альбус Дамблдор. Он сказал, что должна быть создана какая-то защитная преграда, чтобы моя сестра отдала свою жизнь за жизнь мальчика. Он сказал, что ее можно создать только через Дадли и меня, потому что мы — последние живые кровные родственники моей сестры, — объяснила Петуния. Для Гарри эта информация не была новостью — Дамблдор рассказал ему об этом в конце года, когда он попросил остаться в Хогвартсе на лето. Но то, что Дурсли взяли его к себе только из-за этой защиты, стало для него шоком. Гарри не думал, что что-то из того, что они сделали, может его сейчас защитить, но осознание того, что они никогда по-настоящему о нем не заботились, даже на мгновение, было болезненным. Петуния, похоже, даже не заботилась о его маме, или, по крайней мере, очень хорошо это скрывала. — Хорошо, я поговорю с ним позже. Сейчас мы говорим о тебе и последствиях твоих поступков. Я собираюсь дать тебе и моржу выбор. Вы можете сдать полиции и признаться в содеянном... Или я могу продолжать свои маленькие подарочки, пока ничего не останется, и у вас не будет другого выбора, кроме как пойти на поводу у моих планов. В любом случае, это закончится тем, что ты отсидишь в тюрьме. Один выбор означает, что ты отсидишь немного меньше и избавишь себя от страданий. — Это не законно. Ты не можешь этого сделать! — шипела Петуния. — Я могу, и я сделаю. Ты ничего не сможешь сделать, чтобы остановить меня, — сказал Тони, снова обретая свою обычную невозмутимость. — Мы обратимся к СМИ. Расскажем всему миру о том, что ты с нами делаешь, — сказала Петуния. — Вы подписали контракт. Если вы сделаете хоть один шаг в этом направлении, вас бросят в тюрьму быстрее, чем вы скажете "Железный человек", — сказал Тони. И Вернон, и Петуния выглядели испуганными, поняв, что оказались в ловушке. — А как же мои Диддикины? — Петуния безвольно всхлипнула, с мольбой глядя на Дадли, который все еще сидел в углу, булькая, как рыба. — Тебе следовало подумать об этом, когда ты держала моего сына запертым в шкафу под лестницей, пока баловала своего собственного сына, — ответил Тони без тени сочувствия. — Ты жестокий ублюдок. Ты разрушил мой дом, мой кредит и мой банковский счет. Меня уволили из-за тебя. Ты разрушил мою жизнь, даже после всего, что нам пришлось вынести с твоим жалким отродьем. Я не позволю тебе уйти безнаказанным, — прорычал Вернон, с трудом поднимаясь на ноги. — Я уже позволил, Дурсли. Ты должен быть рад, что я даю тебе выбор, особенно после того, как ты продолжаешь клеветать на моего сына, — мрачно сказал Тони. — Я буду делать все, что захочу, и ты не сможешь меня заставить, — прорычал Вернон, звучащий очень похоже на Дадли, закатывающего истерику. Но даже в гневе было видно, что он не осмелится напасть на Тони после того, как Тони доказал, что способен физически противостоять ему. — О, ты будешь удивлен, что я могу заставить тебя

сделать, Дурсли, — прошипел Тони, заставляя Вернона сделать испуганный шаг назад. — Вернон, я думаю, он серьезно. Подумай о Дадли и о том, что он может с ним сделать. Мы не можем бороться с ним со всем его влиянием и деньгами, — плакала Петунья. Вернон практически выбрировал от ярости, но, похоже, даже с его ограниченным интеллектом, он понимал, что его переиграли. — Ладно, вызывай полицию, — прорычал Вернон. — Вы хоть понимаете, что то, что вы сделали с Гарри, было неправильно? — изумленно спросил Тони. Петунья слегка склонила голову от стыда, но Вернон выглядел совершенно нераскаявшимся. — Мы ничего ему не сделали, только обеспечили его домом и одеждой, несмотря на все неприятности, которые он нам причинил. — Правильно, потому что чулан — это настоящий дом, а тряпки, которые вы ему дали, были настоящей одеждой. Вот почему я не чувствую ни малейшей вины за то, что сделал все это с тобой, Дурсли, потому что ты искренне считаешь, что то, что ты делал, было нормально. Ты заслуживаешь всего, что сейчас получишь, — с отвращением огрызнулся Тони. Тони достал свой телефон и позвонил в полицию. — И еще одно. Есть ли что-нибудь, что ты хотел бы им сказать, Гарри? — спросил Тони, обращая обеспокоенный взгляд на Гарри. Гарри собрал все свое мужество и шагнул рядом с Тони навстречу Вернону и Петунии. Тони положил утешительную руку ему на плечо, и Гарри не мог не почувствовать дополнительный прилив уверенности от этого прикосновения. — Все, чего я когда-либо хотел, это чтобы я тебе нравился. Я никогда не понимал, почему ты этого не делаешь, пока не узнал о магии. Я ненавижу тебя за то, как ты со мной обращался и как заставлял меня чувствовать себя, когда я росла. Но теперь мне жаль и тебя. Тетя Петунья, ты испытываешь горечь и зависть к моей маме, и ты вымещаешь это на мне. Дядя Вернон, ты просто ненавидишь всех, кто отличается от тебя, и ты слишком недалекого ума, чтобы узнать больше о волшебниках, прежде чем осуждать их. — Благодаря Тони и Пеппер я знаю, что я не урод, — проговорил Гарри, голос его звучал твердо, словно сталь. — То, что вы со мной сделали, было неправильно. Я переживу все ваши злодеяния, буду жить счастливой и плодотворной жизнью. Но вам предстоит провести остаток дней в муках совести за то, что вы со мной сделали. Дадли, я надеюсь, ты извлечешь из этого урок и не станешь таким же, как твои родители. У тебя ещё есть время измениться. Гарри закончил, пристально глядя на Дурслей. Дадли смотрел на него, словно на призрака, не узнавая. На лице Петунии мелькнуло что-то похожее на сожаление, а Вернон просто выглядел злым и обиженным. Но Тони внушал ему такой страх, что тот не посмел и пальцем пошевелить. — О, и мне нужен мамин дневник, — добавил Гарри как бы между прочим. — Вы слышали, что это за ребенок? — рявкнул Тони, и Дурсли вздрогнули.